

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНАЛИЗЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАНДЕЛЬШТАМОВСКОГО «NOTRE DAME»

Константин Поливанов
(Москва)

В известной статье Михаила Леоновича Гаспарова «Две готики и два Египта в поэзии Осипа Мандельштама», где предлагается замечательный разбор хрестоматийного стихотворения Мандельштама «Notre Dame», формулируется разница между анализом и интерпретацией стихотворения:

простые и сложные тексты требуют разных методов чтения и понимания: для простых — анализ, для сложных — интерпретация. При анализе мысль идет от целого к частностям, при интерпретации — наоборот, от частей к целому. «Ана-лиз» этимологически означает «раз-бор» на части: мы читаем простое стихотворение, понимаем его в целом и после этого пытаемся лучше понять его части, его подробности. «Интерпретация» означает «истолкование»: мы читаем сложное стихотворение, мы не можем понять его в целом, но можем понять смысл отдельных частей, которые проще других. Опираясь на это частичное понимание, мы стараемся понять смысл смежных с ними частей, все дальше и дальше, как будто решаем кроссворд, и в конце концов весь текст оказывается понят и лишь некоторые места, может быть, остаются темными¹.

«Стихотворение “Notre Dame”, — как утверждает Гаспаров, — «простое», потому что ясно представляет собой восторженное описание собора и затем делает вывод, четкий, как басенная мораль — “Но чем внимательней твердыня Notre Dame, я изучал твои чудовищные ребра, тем чаще думал я: из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам”: культура преодолевает природу, устанавливая в ней гармоническое равновесие противоборствующих сил. Описанию готики как системы контрофорсов соответствует стиль стихотворения как система антитез»².

Далее Гаспаров прибегает к пересказу стихотворения по строфам: «(I, экспозиция) собор на месте греческого судилища красив и легок — (II, самая “техническая” строфа) но эта легкость — результат динамического равновесия противоборствующих сил — (III, самая патетическая строфа) в нем все поражает контрастами — (IV, вывод) вот так и я хотел бы создать прекрасное из противящегося материала»³.

За этим в статье следует объяснения отдельных частных, разумеется, с приращениями основного смысла, и наконец, сопоставляя стихотворение с «фоном» акмеистических деклараций и мандельштамовских рассуждений о культуре и архитектуре, Гаспаров говорит и об элементах интерпретации этого «простого» стихотворения.

Можно выделить еще несколько деталей в этом стихотворении, которые, как кажется, позволят дополнить в нем то, что Гаспаров обозначает словом интерпретация. В первой строфе текста назван Адам, с которым сопоставляется свод собора:

Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Гаспаров связывает это со вторым названием акмеистов — «адамисты», а Левинтон, на которого он ссылается, предлагает учесть еще и то, что на портале собора находится изображение Адама.

¹ Гаспаров М. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 260.

² Там же. С. 265.

³ Там же. С. 266.

Однако, если обратить внимание, что в последней, по выражению Гаспарова, «метапоэтической строфе» речь заходит о «ребрах»:

Чем внимательней твердыня Notre Dame
Я наблюдал твои чудовищные ребра...

то можно допустить, что здесь подспудно присутствует мотив Божественного творчества: создания женщины из ребра Адама. В таком случае, соединение «прекрасного» («прекрасное создам») с названием собора Notre Dame — допускает гипотезу, что речь идет о поэте, который сможет, как когда-то его старший современник Блок, создать не просто нечто столь же прекрасное, как парижский собор, но своего рода новую Прекрасную Даму.